

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Елизавета Драбкина

ИСТОРИЯ ОДНОГО КАРАНДАША

*Издательство
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“*

ЕЛИЗАВЕТА ДРАБКИНА

ИСТОРИЯ ОДНОГО КАРАНДАША

РАССКАЗЫ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1974

Цифровка
dominas

2017

Дорогой читатель, не известный мне друг!

В этой книге собраны рассказы о подлинных событиях в жизни людей, которых я знала в годы моей далёкой комсомольской юности. Герои её молоды: это дети, подростки, вступающие в жизнь.

Тебе, наверно, покажется, что они жили давно-давно. Но у меня такое чувство, словно всё, о чём я рассказываю, произошло чуть ли не вчера. Когда тебе будет столько лет, сколько мне сегодня, ты поймёшь меня: ни одна река не уносит свои воды с такой стремительностью, как река Жизни.

Поколения революции сменяют друг друга, как волны, набегające на морской берег: вот набежала одна волна, на смену ей спешит другая...

Так и волна твоего поколения. Твоё море шумит уже в других берегах. Но хотя жизнь людей за полвека, прошедшие со времени Великой Октябрьской революции, бесконечно изменилась, главное осталось неизменным: по-прежнему борются силы Добра и силы Зла, по-прежнему прогрессивное человечество выступает против эксплуататоров и угнетателей, по-прежнему главным врагом прекрасного будущего, главным подстрекателем кровавых войн и насилий остаётся международный империализм.

В борьбе против империализма совершили свои подвиги герои этой книги. Эту борьбу суждено вести и людям твоего поколения.

Твои возможности стали несравненно шире, чем те, которые были у них. Советский Союз за эти годы вырос в крупнейшее в мире социалистическое государство, обладающее безграничными силами на всех фронтах борьбы и труда. От тебя, от твоих друзей и товарищей зависит дальнейшее движение вперёд.

Будь же на этом пути так же благороден и бесстрашен, как девочки и мальчики, юноши и девушки, о которых рассказано в этой книге.

АВТОР

Рисунки В. ЮДИНА

АЛЕША КАЛЕНОВ

Это было давно, ещё до Октябрьской революции. В жаркий июньский день 1917 года я подъезжала к Петрограду. Поезд тащился медленно. Вагон был полон народу.

Люди сидели в проходах, на площадках, даже на крыше. Спали мало: и днём и ночью спорили, вздыхали, говорили.

Разговор шёл о том, что царя прогнали, а народ всё равно мучается. По-прежнему идёт война. По-прежнему солдаты погибают на фронте. Земля по-прежнему в руках помещиков, а фабрики и заводы — у буржуев, капиталистов. Хлеба нет, всё дорого, заработки у рабочих нищенские, детишки мрут от голода...

Но есть такая партия — коммунисты, большевики. Эта партия говорит, что с войной надо кончать. Землю надо отнять у помещиков и отдать крестьянам, а фабрики и заводы — всему народу.

Так в разговорах о тяжёлой жизни народа и о партии большевиков прошла дорога. Но вот наконец показались заводские трубы. Приехали!

Меня встречала моя мама. Поезд должен был прийти утром, но опоздал часов на двенадцать. Мама истомилась, ожидая меня.

Она подхватила мой небольшой чемоданчик, и мы пошли пешком к себе домой. Всю ночь мы не спали и рассказывали друг другу о том, как жили в то время, которое провели в разлуке.

Мама моя была членом партии большевиков. Незадолго до войны её арестовали царские жандармы и отправили в ссылку на далёкий Север. Я жила у своего дедушки и училась в гимназии.

После Февральской революции я вступила в партию. К этому времени я училась уже в последнем классе — и сразу же после выпускных экзаменов поехала в революционный Петроград. Мне не терпелось как можно скорее начать работать.

На следующий день я пошла в районный комитет партии. Товарищи направили меня на Выборгскую сторону, к Надежде Константиновне Крупской.

Выборгская сторона — это один из самых больших рабочих районов Петрограда. Там расположено много заводов. Население района состояло из рабочих и городской бедноты. Уже тогда, за несколько месяцев до Октябрьской революции, рабочие Выборгской стороны поддерживали партию коммунистов-большевиков.

Узнав, что я буду работать на Выборгской стороне, я сильно разволновалась. Долго в ту ночь не могла я заснуть и всё думала и думала, какую же работу мне поручат. А рано утром отправилась по указанному мне адресу.

На доме, в который я пришла, висела вывеска: «Выборгская районная дума», а на двери комнаты — «Культурно-просветительный отдел».

Я постучала. Женский голос сказал: «Войдите».

В большой комнате с голыми, давно не белёными стенами стояли два стола, два стула и деревянная скамья. За одним из столов сидела женщина в тёмном платье с белым воротничком.

Это была Надежда Константиновна Крупская — жена и ближайший друг и помощник Владимира Ильича Ленина. Она была членом партии с самого её основания.

Надежда Константиновна заведовала культурно-просветительным отделом Выборгской районной думы. Этот отдел устраивал для рабочих школы и курсы. Надежда Константиновна ходила по фабрикам и заводам, призывала рабочих учиться, помогала доставать учебники, направляла в школы учителей.

Хотя она работала на Выборгской стороне совсем недавно, рабочее население района уже успело узнать и полюбить Надежду Константиновну за её редкостную душевность и внимание к людям.

Рабочие и работницы приходили к ней, чтоб поговорить о событиях в стране. Часто у неё бывали жёны солдат. Они рассказывали Надежде Константиновне о своей трудной жизни, приносили ей письма, присланные с фронта, и просили, чтоб она почитала им эти письма вслух.

Работы у Надежды Константиновны было много, очень много. Помогали ей в этой работе и старые члены партии, и совсем молодые, неопытные девушки вроде меня.

Когда я пришла, Надежда Константиновна сказала, что она поручает мне устроить детскую площадку.

— А что это такое — детская площадка? — спросила я.

Надежда Константиновна объяснила мне, что

это место на открытом воздухе, куда дети будут приходить утром и будут проводить там весь день, пока их отцы и матери работают.

Огорчению моему не было предела. Когда меня послали на Выборгскую сторону, я мечтала, что мне поручат какое-то важное революционное дело: печатать большевистские листовки, доставать оружие или что-нибудь ещё в таком же роде. А вместо этого Надежда Константиновна предлагает мне возиться с ребятишками!

Всё это я тут же высказала. Надежда Константиновна слушала меня, слегка склонив голову, а потом сказала:

— Эта работа так же нужна для революции, как и всякая другая. Наш район густо населён рабочими. И мы должны показать рабочим, кто такие большевики и как они заботятся о трудящихся и об их детях. Настанет время, когда наша партия завоюет власть. Тогда мы будем строить детские сады и ясли для малышей. А сейчас у нас денег мало. Поэтому будем делать пока то, что мы можем: устроим в нашем районе несколько детских площадок. — Чтоб до конца убедить меня, Надежда Константиновна добавила: — Для победы революции мы должны делать самую разную работу, в том числе и возиться с ребятишками.

И вот мы с Надеждой Константиновной пошли искать место, где можно было бы устроить детскую площадку. Ходили долго, пока нашли неподалёку от железнодорожного моста большой пустырь, поросший чахлой травой.

Пустырь был обнесён забором, а в углу стоял дощатый навес. Под ним можно было укрыть ребят во время дождя. Поэтому мы решили устроить нашу площадку здесь.

Но, прежде чем позвать сюда ребят, надо было расчистить пустырь от мусора и бурьяна. Нам помогли молодые рабочие Выборгской стороны. Днём они работали на заводах, а площадку убирали по

ночам, благо ночи стояли светлые — белые петроградские ночи.

Эти же товарищи достали для ребят игрушки: четыре скакалки, один мяч, восемь деревянных лопаток и три совочка. Игрушек было, конечно, мало, но и это казалось нам большим богатством. Достали мы ещё белую бумагу, краски и цветные карандаши.

Наконец все работы были закончены, и мы вывели написанное от руки большими буквами объявление:

ЗАВТРА, 23 ИЮНЯ 1917 ГОДА,
У НАС НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ
В 10 ЧАСОВ УТРА
ОТКРЫВАЕТСЯ ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА!!!
ДЕТИ!!!
ПРИХОДИТЕ НА ПЛОЩАДКУ!!!
БУДЕМ ВМЕСТЕ ИГРАТЬ!!!
Вход бесплатный!!!

Как только мы повесили объявление, около него стали собираться и взрослые люди, и ребяташки. Все его читали и перечитывали: ведь на Выборгской стороне в то время не было ни детских садов, ни яслей, да и школ было мало.

В школах учились лишь ребята из обеспеченных семей, а дети рабочих проводили время на дворах и на улице. Те, кто постарше, нянчили младших. А когда им исполнялось десять-одиннадцать лет, их отдавали на завод или в мастерскую к сапожнику, к плотнику, к столяру — и они работали от утренней зари до поздней ночи.

Открытие площадки было назначено на десять часов утра. Но уже к восьми забор был облеплен ребяташками. Они заглядывали в щели, стараясь увидеть, что же их там ожидает.

Однако, когда я распахнула калитку, войти решились не все. Многие остались на улице и боязливо заглядывали внутрь. Да и те, что вошли, ступали робко.

Ребята были худые, бледные, одетые в чиненую-перечиненую одежду. Обуты они были в рваные материнские башмаки, а некоторые пришли босиком.

Я раздала игрушки, усадила малышей на песок.

Постепенно ребята перестали бояться и повеселели. Девочки прыгали через скакалку, мальчики гонялись за мячом. Но до чего же эти ребята были не похожи на обычных играющих детей!

Подойдешь, бывало, к какой-нибудь маленькой девчужке, которая баюкает запелёнатый в тряпку чурбанчик, и слышишь, как она бормочет:

— Не реви ты, Варька, не надрывай мне душу. Вот принесу получку, куплю картошки, наварю и поставлю тебе, как царице, полную миску!..

Пошёл дождь. Я позвала ребят под навес и усадила рисовать — благо бумаги, красок и карандашей хватало.

Рисовать они не умели. Только один мальчик нарисовал дом с большой трубой, из которой валил густой чёрный дым. А девочка нарисовала собаку с закрученным вверх хвостом. Всем хороша была бы эта собака, только было у неё почему-то восемь ног.

Но один мальчик — его звали Алёша Калёнов — нарисовал совсем особенные рисунки, каких не рисовал никто из ребят.

Рисунки Алёши были похожи один на другой.

На каждом листе бумаги он рисовал жёлтой, красной, синей, оранжевой, зелёной краской какие-то фигуры, напоминавшие сказочных птиц. А над ними — на всех рисунках — висел в воздухе грязно-голубой четырёхугольник. Как будто бы Алёша обвёл карандашом спичечную коробку, а потом закрасил это место очень жидкой чёрной краской, разбавленной голубой.

Я подошла к Алёше и спросила:

— Что это ты нарисовал, Алёша?

Он испуганно посмотрел на меня и чуть слышно проговорил:

— Цветы...

Ну хорошо, в нижней части рисунков нарисованы цветы. Правда, какие-то странные цветы, совсем не похожие на настоящие. Почему же эти цветы такие странные? И что означает этот грязно-голубой четырёхугольник, который повторяется на каждом рисунке?

Алёша так пугался, когда на него обращали внимание, что я не стала его спрашивать и решила показать его рисунки Надежде Константиновне.

Когда я пришла к Надежде Константиновне, у неё сидела женщина и, обливаясь слезами, рассказывала, что хозяин уволил её с работы. Как же теперь она будет жить с ребятишками?

Надежда Константиновна её успокаивала и обещала поговорить с товарищами и помочь ей найти работу.

Женщина ушла.

Я под села к столу Надежды Константиновны и разложила перед ней Алёшины рисунки.

Она долго-долго их рассматривала. То подносила поближе к глазам, то отодвигала подальше. Потом она сказала:

— Почему мальчик всё время рисует такие страшные четырёхугольники? От этих рисунков у меня защемило сердце...

Надежда Константиновна стала спрашивать меня об Алёше. Я рассказала то, что знала. Алёша худой, очень бледный мальчик, с землистым лицом. Одет он в рубашонку, из которой давно вырос, и в заплатанные брюки. На площадку он приводит трёх младших ребят, мал мала меньше, таких же худых и бедно одетых, как он сам.

К счастью, у меня была книга, в которую я записывала адреса ребят, и я нашла Алёшин адрес.

— Сходите-ка к нему, — сказала Надежда Константиновна. — Посмотрите, как он живёт. Может быть, мы сумеем понять, почему он так рисует.

И я пошла по серым, унылым улицам Выборгской стороны. Кругом ни кустика, ни деревца.

Вот шестиэтажный дом с закопчёнными, облупившимися стенами. В нём живёт Алёша. Тёмный двор, вымощенный камнем. Когда стоишь во дворе, кажется, что ты попал на дно глубокого колодца. В углу — лестница с покосившимися ступенями, которая ведёт в подвал. Длинный грязный коридор. В конце — дверь.

Я постучала. Дверь не была заперта и отворилась сама. Передо мной была узкая комната с одним окном под самым потолком. На кровати под рваным одеялом, сшитым из лоскутьев, спали маленькие ребята. Алёша Калёнов сидел у окна.

Никто не услышал моего прихода. Я подошла к Алёше, села рядом, посмотрела в окно и увидела в далёкой вышине грязно-голубой четырёхугольник неба, похожий на спичечную коробку. Тот самый, который рисовал Алёша на своих рисунках!

Вот что рассказал Алёша. Отца его забрали в солдаты в первый же день войны. Вскоре пришла похоронная. Мать была прачкой. Стирала с утра до ночи у господ, чтоб хоть как-то прокормить четверых ребят. Алёша в школу не ходил и нянчил малышей.

Этому мальчику, которого я считала десятилетним, шёл уже тринадцатый год. Детство он провёл на Выборгской стороне. Да и там не бывал дальше своего двора.

Он никогда не видел цветов. С цветами у него было связано представление о чём-то несказанно прекрасном. Он думал даже, что цветы поют...

Рассказ Алёши я передала Надежде Константиновне.

Она выслушала меня молча.

На другой день Надежда Константиновна сказала мне, чтобы вечером я пошла во дворец Кшесинской к Владимиру Ильичу Ленину и показала бы ему Алёшины рисунки.

* * *

Во дворце Кшесинской тогда, летом 1917 года, помещался Центральный Комитет партии большевиков. С балкона дворца Владимир Ильич не раз проносил речи, которые слушали рабочие, солдаты, матросы, собравшиеся внизу, на площади.

Попала я во дворец Кшесинской только поздно вечером. И в самом дворце и вокруг него бурлила огромная толпа.

Владимира Ильича я застала в угловой комнате второго этажа. Когда я вошла, он сидел за столом, заваленным книгами и газетами, и что-то писал.

В открытые окна, словно шум прибоя, доносился гул толпы.

Увидев меня, Владимир Ильич перестал писать, усадил меня в кресло и стал спрашивать о жизни рабочих на Выборгской стороне.

Потом он встал, прошёл в угол комнаты, поднял стоявший на полу синий эмалированный чайник, поставил на стол блюдо с сахарным песком и тарелку нарезанного тонкими ломтиками чёрного хлеба. Сахару было мало. Мы посыпали им хлеб и так пили чай.

Потом я достала Алёшины рисунки. Владимир Ильич уже знал об Алёше от Надежды Константиновны. Он взял рисунки, подошёл к окну, чтобы лучше видеть, потом вернулся, положил рисунки в свою папку и с ненавистью посмотрел на розовые мраморные стены.

— А дети живут в подвалах! — промолвил он.

Владимир Ильич взял лист бумаги и стал записывать то, что надо сделать для детей с площадки.

Непреренно (он подчеркнул это слово двумя чертами) хотя бы один раз вывезти детей за город. Непреренно (снова дважды подчеркнута) сводить их в Летний сад. «И пусть барчата потеснятся», — сказал Владимир Ильич. Раздобыть игры, мячи, детские книги. Узнать у товарищей, нельзя ли разбить на площадке клумбу и посадить цветы.

На следующее утро Владимир Ильич должен был уехать из Петрограда на несколько дней. Рисунки Алёши он оставил у себя и сказал, что после возвращения хочет непременно повидать этого мальчика.

* * *

У Владимира Ильича я была в самом конце июня. А в первые дни июля произошли важные события. Петроградские рабочие, солдаты и матросы из Кронштадта и с кораблей Балтийского флота вышли на улицы с красными знамёнами и с требованиями: «Долой министров-капиталистов!», «Долой войну!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

Правительство вызвало войска и расстреляло

безоружных демонстрантов. Оно отдало приказ об аресте Владимира Ильича Ленина и обещало богатую награду тому, кто найдёт и схватит Ленина живого или мёртвого.

Владимир Ильич вынужден был скрыться от грозящей ему расправы. Он переменил несколько квартир и наконец добрался до рабочего-большевика Емельянова, у которого неподалёку от станции Разлив был сенокосный участок. Владимир Ильич поселился в шалаше на этом участке.

Положение большевистской партии стало очень тяжёлым. Большевиков преследовали, арестовывали, приговаривали к смертной казни. Когда они пробовали выступать с речами или раздавали листовки, в которых говорили народу правду, их избивали.

Мне казалось, что в такое трудное время Владимир Ильич даже думать забыл о ребятах с детской площадки на Выборгской стороне. Однако в конце июля Надежда Константиновна сказала мне, что в воскресенье я должна собрать ребят и поехать вместе с ними за город, в Мустамяки.

— А деньги на билеты?

— Не надо. Всё будет приготовлено.

И действительно, в назначенный день и час на вокзале нас ожидал пустой вагон, который сумели достать наши товарищи железнодорожники. Они прицепили его к первому отходящему дачному поезду — и под визг и ликование ребят мы поехали!

В Мустамяках нас встретил старый работник партии Александр Михайлович Игнатьев. Ребята построились по четыре. Один мальчик вытащил кусок алого кумача, который припрятал за пазуху. Он водрузил его на палку.

Торжественно, с красным флагом, мы дошли до дома. Там для нас приготовили великолепнейшую пшённую кашу, сладкий чай с молоком, овсяные пышки — всё необыкновенно вкусное, и, главное, есть можно было сколько хочешь, досыта! Это сделали для нас товарищи по просьбе Владимира Ильича.

Скрываясь от Временного правительства, Владимир Ильич продолжал неустанно работать. Он писал книги, статьи и брошюры. Он передавал товарищам письма о том, как подготовить победу революции. И всё же он не забыл о ребятах с детской площадки на рабочей Выборгской стороне и позаботился о том, чтоб подарить им день счастья!

Весь этот счастливый день мы купались, гуляли в лесу, пели. Малыши пищали и катались в высокой, некошенной траве. Девочки плели венки.

И только Алёша Калёнов бродил словно зачарованный. Он молча подходил к цветам, смотрел на них, осторожно поглаживал листочки. А потом лёг на спину и долго глядел в бесконечное голубое небо.

Мы договорились с Александром Михайловичем, что приедем ещё раз. Но буря политических событий помешала это сделать. Обстановка в стране становилась всё более напряжённой. Владимир Ильич тайно приехал в Петроград и поселился на подпольной квартире у Маргариты Васильевны Фофановой, чтоб руководить подготовкой восстания. Вся рабочая молодёжь по мере сил и умения помогала партии, которая собирала силы для Октябрьского штурма.

И вот настал Октябрь, грозный Октябрь семнадцатого года. Кругом бурлило, как в котле. События неслись с невероятной быстротой. 25 октября рабочие, солдаты, матросы, руководимые Лениным и партией большевиков, свергли власть капитала. Теперь власть перешла в руки народа.

Стыдно, конечно, в этом сознаваться, но в те дни я совсем забыла о ребятах с детской площадки и об Алёше Калёнове. Каково же мне было, когда уже после Октябрьской революции я встретила в коридоре Смольного Владимира Ильича и он сразу же спросил меня об Алёше, а я должна была ответить, что ничего о нём не знаю.

— Как он живёт? Где он? — спрашивал Владимир Ильич.

— Не знаю, Владимир Ильич. Давно его не видела, — отвечала я.

— Как же так? Почему?

— Да я... Да мне...

С чувством глубокой вины слушала я Владимира Ильича. Он упрекал меня за то, что я забыла о рабочей семье, о которой обязана была позаботиться.

Потом Владимир Ильич велел мне пойти в комендатуру Смольного и от его имени передать работавшим там товарищам, чтобы они немедленно переселили семью Калёновых в квартиру какого-нибудь буржуя.

* * *

Два дня спустя я побывала на новой квартире Калёновых. Марья Васильевна Калёнова, не веря своему счастью, ходила по роскошному кабинету нефтепромышленника Гукасова. Алёша неотрывно смотрел на висевшие на стенах картины.

В конце ноября нам дали три комнаты в барском особняке на Литейном проспекте. Там решено было устроить детский клуб для ребят, которые летом ходили на площадку. Ребята гурьбой отправились туда. Натаскали дров, развели огонь, вымыли пол, — и в бывшем доме царского сановника открыли первый в Петрограде «Детский клуб имени мировой революции».

Все работы по клубу дети делали сами: они и кололи дрова, и топили печи, и убирали помещение, и чистили снег перед входом.

Весной 1918 года я уехала в Москву, но на Первое мая приехала в Петроград. Стоя у трибуны, я смотрела на проходивших мимо демонстрантов. И вдруг увидела ребят из нашего детского клуба.

Они несли большое знамя. На нём был нарисован земной шар, закованный в цепи капитала. Рабочий, одетый в красную рубаху, протянул руку стоявшему рядом с ним крестьянину. В другой руке он

держал тяжёлый молот и разбивал им цепи. Надпись гласила: «Берегитесь, буржуи! Мы стоим на страже».

И тут я увидела, как из рядов демонстрантов убежал мальчик. Он подбежал ко мне. Это был Алёша Калёнов. Он был по-прежнему худой, большие глаза его стали ещё больше, но теперь они светились счастьем.

— Я сам нарисовал это знамя! — кричал он мне. — Я сам!

Он рассказал мне, что его мама работает няней в детском саду. Там же, в детском саду, находятся его младшие братишки и сестрёнка. Сам он учится в художественной школе.

— Прощайте, я побегу, а то отстану от своих, — сказал Алёша.

Это была моя последняя встреча с ним. В следующий мой приезд в Петроград, летом 1920 года, я узнала, что комсомолец Алексей Калёнов добровольно вступил в отряд, отправлявшийся на фронт, и пал смертью храбрых в бою против банд Юденича.

Как горько, что белогвардейская пуля оборвала жизнь Алёши! Какой прекрасной могла бы быть эта жизнь!

Наверное, он стал бы художником и рисовал бы цветы. Но это были бы настоящие цветы — такие, какие он видел вокруг себя.

А главное — над этими цветами не висело бы мрачное, тёмное четырёхугольное небо, похожее на грязную спичечную коробку.

Нет, над ними было бы ясное, светлое, чистое небо, привольно раскинувшееся от края до края неба-свода!

ВАНЯ ВЬЮНОК

Летом 1917 года я, автор этой книги, состояла членом социалистического Союза рабочей молодёжи — одной из тех организаций, из которых в будущем вырос многомиллионный Комсомол.

Среди членов Союза молодёжи был невысокий шустрый паренёк, которого все звали просто Ваня, а вместо фамилии Скоринко — прозвищем «Вьюнок», данным ему за необыкновенную живость, подвижность, весёлую бесшабашность.

Где бы ни затевался спор, куда бы ни надо было проникнуть агитатору-большевику, перемахнув для этого через забор или же пробравшись в щель, сквозь которую, казалось, могла пролезть только кошка, Ваня Вьюнок был тут как тут. Он не боялся

ни бога, ни чёрта, ни пушек, ни пулемётов, пошёл бы один против целой дивизии, но испытывал невероятный, прямо панический страх перед своим отцом.

Отец этот, рабочий Путиловского завода, суровый, богобоязненный, воспитывал своё единственное чадо «в строгости»: учил сына, что от поклона хозяину голова не отвалится; что политики — болтуны и балаболки, а истинный рабочий должен надеяться только на свои руки. В 1905 году отец на некоторое время поверил Гапону, который уговорил рабочих взять иконы и пойти просить помощи у царя. Но после того, как царь расстрелял безоружных рабочих, пришедших к Зимнему дворцу вместе с жёнами и детьми, отец Вани разочаровался и в Гапоне, и во всякой революции.

Легко представить себе гнев отца, когда весной семнадцатого года он узнал, что его сын «записался в большевики». Отец категорически запретил Ване «бегать по собраниям» — тот продолжал. И тогда отец, нимало не смущаясь тем, что Ваня уже член партии, приказал сыну спустить штаны и отлупил его ремнём.

В июле 1917 года партия большевиков подверглась преследованиям со стороны Временного правительства. Владимир Ильич Ленин скрывался в шалаше неподалёку от станции Разлив.

Как раз в это время Ваня, проходя где-то около Невского, увидел двух безногих инвалидов, которые, громко клянясь и призывая в свидетели бога, рассказывали, что сам Ленин предлагал им вступить в большевистскую партию и обещал заплатить за это каждому по миллиону рублей германским золотом.

Ваня стал ругать инвалидов, изобличал их в гнусной лжи. Но тут появились милиционеры Временного правительства. Ваню арестовали, отвели в участок, избили, продержали ночь, а утром вытолкали в шею.

Теперь-то настало для него самое страшное: весь дрожь при мысли о предстоящем разговоре с отцом, брёл он домой. Но решил рассказать всю правду. И в минуту, когда рассказ дошёл до ареста и избивания в милиции, услышал гневный голос отца:

— Ах ты паршивец!

Ваня был убеждён, что гроза отцовского гнева обрушится на него за то, что он, Ваня, встал на защиту большевиков. Но нет.

— И ты стерпел, паршивец! — бушевал отец. — Да ты обязан был этим иродам в рожу дать! Чернильницей! Револьвером! Стулом! Рабочий не должен терпеть удара от буржуя. Ударил — получай обратно!

Тут в спор вступила мать.

— Вот старый дурак! — накинулась она на отца. — Сам выжил из ума и сына хочет за собой утопить. Большевики! Скоро сын без головы придёт благодаря папаше. Офицеры оторвут.

Но отец, не обращая на неё внимания, топнул ногой и сказал о сыне, что он, мол, и без головы хорош.

— Чёрт с ней, с его головой! — кричал отец. — За Ленина, за большевиков пусть оторвут! Но и мы терпеть не будем! Один Путиловский завод разнесёт всю буржуазию и сотрёт в порошок весь Невский, если они тронут Ленина пальцем.

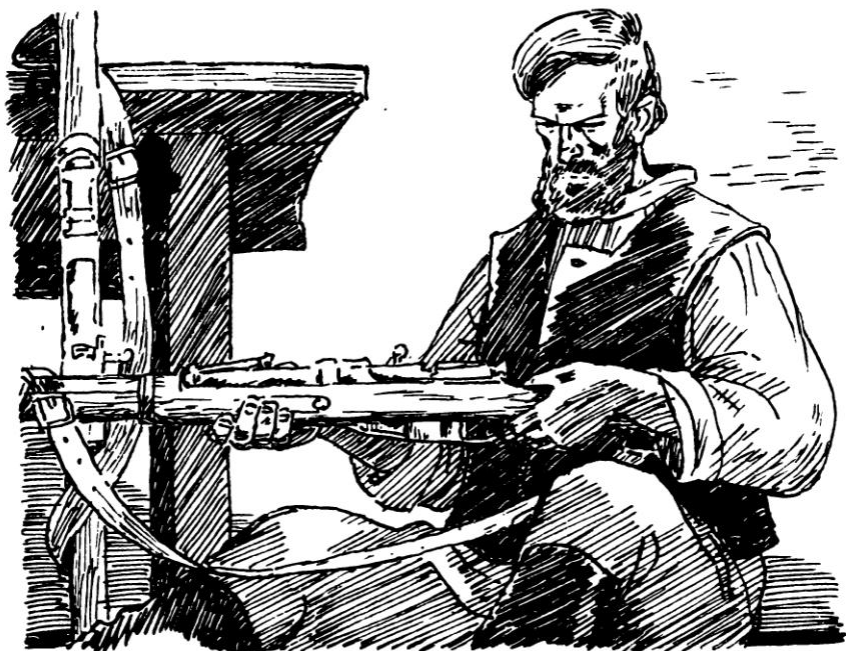
Потом отец ушёл, а вернувшись домой, торжествуя, заявил, что отныне он красногвардеец, хотя ему уже сорок семь лет. Как два красногвардейца, они с сыном пожали друг другу руки и расцеловались.

Такова была история, которую много раз слышали мы от Вани Вьюнка.

Теперь уж Ваня пропадал целыми сутками в Союзе рабочей молодёжи и в отряде Красной гвардии. Все его помыслы, да и не только его, были заняты лишь одним: как бы раздобыть побольше оружия. В руках он держал винтовку, которая была ростом с него самого. Отцовское пальто, в которое он

был одет, было перепоясано пулемётной лентой, а за неё были засунуты пистолет и старинный тесак времён Петра Первого.

К двадцатому октября ни для кого не было тайной, что вооружённое восстание против буржуазии — дело самых ближайших дней. События нарастали с каждым часом. «Весь Питер был разделён на два лагеря, и середины не было, — вспоминает эти дни делегат II съезда Советов большевик Иван Харитонович Бодякшин. — На улицах, на площадях, в трамваях, в учреждениях, в клубах, в цирках, в казармах, в университете, в библиотеках, во дворцах, на судах и пароходах, на фабриках и заводах, в рабочих кварталах — везде и всюду люди собирались и говорили о революции, о свободе, о воле, о равенстве, о земле, о фабриках и заводах...»

Утром 24 октября Ваня Вьюнок, проснувшись, увидел довольно странную картину. На полу сидел, видимо, только что вернувшийся с завода, отец и заботливо чистил Ванину винтовку. Винтовка отца, уже вычищенная, лежала рядом с ним. Из глаз отца катились слёзы, которых он, вероятно, сам не замечал. Около него стояла мать, глядевшая на него с возмущением и сожалением.

— В ветрогоны записался, — ехидно говорила мать. — Вместо того чтоб сына за это высечь, вот тебе на: винтовку чистит!.. Убивать, что ли, кого собрался?

— Уйди, дура баба, — смазывая маслом затвор, отмахивался отец.

— Сам дурак! Весь двор над тобой смеётся...

Но отец заметил, что сын не спит.

— Проснулся? Вот и хорошо. Бери винтовку, и идём в штаб.

Под плач и причитания матери они, держа винтовки, пошли в штаб Красной гвардии. Там было шумно, оживлённо.

— Сегодня я себя чувствую храбрецом особенным, — сказал отец, обнимая Ваню за плечи. — И если все остальные так же, то завтра будет у нас власть!

Последние недели перед Октябрём Владимир Ильич Ленин прожил в конспиративной квартире Маргариты Васильевны Фофановой, на Выборгской стороне.

«Когда мы остались вдвоём в квартире, — рассказывает Фофанова, — Владимир Ильич попросил меня показать ему всю квартиру, чтобы ориентироваться на случай, если придётся воспользоваться окном, а не дверью для ухода из квартиры.

Вначале я даже не поняла, что этим хотел сказать Ильич. Показываю квартиру. Когда пришли в третью комнату и я указала на балкон — смотрю, Ильич радостно улыбнулся и сказал: «Прекрасно!

Теперь можно точно определить, как идёт водосточная труба, близко ли из моей комнаты, если придётся по ней спускаться...»

День 24 октября. Часам к четырём, сидя на службе, я узнала, что разведены мосты и в городе идёт вооружённое выступление. Я немедленно оставила работу и прежде всего пошла к Николаевскому мосту убедиться, разведён ли мост. Мои опасения подтвердились. Решила направиться как можно скорее домой. По дороге зашла в Выборгский районный комитет, чтобы получить информацию о происходящих событиях.

В комитете удалось получить лишь очень смутные сведения, с чем я и явилась к Владимиру Ильичу, который направил меня снова в районный комитет проверить, сведены ли мосты, и просил передать записку через Надежду Константиновну, сказав, что он считает, что больше откладывать нельзя, необходимо пойти на вооружённое выступление, и он сегодня же должен уйти в Смольный.

Выборгский комитет вручил мне ответ отрицательный, с чем я и приехала к Владимиру Ильичу уже около 9 часов вечера... Помню, Владимир Ильич говорит:

«Чего они хотят? Чего они боятся? Говорят, что большевиков уже много, неужели же у них нет сотни проверенных большевиков-солдат, которые могут меня защитить? Сообщите им, что если они уверены хоть в сотне солдат, то откладывать больше нельзя».

Снова он направил меня с запиской к Надежде Константиновне и сказал, что если к одиннадцати часам я не вернусь, то он поступит так, как считает нужным.

Маргарита Васильевна Фофанова опоздала на десять минут. Когда она вернулась, Владимира Ильича уже не было, а на обеденном столе лежала записка, написанная на длинном листке бумаги:

«Ушёл туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

Так Владимир Ильич покинул последнее большевистское подполье.

Он шёл через весь город вместе с финским рабочим, товарищем Эйно Рахья. Кругом была чёрная ночь. С того берега, за Невой, доносились глухие звуки выстрелов. На Литейном мосту дежурили красногвардейцы из отряда Патронного завода. Горящий костёр отбрасывал на их фигуры яркие отблески.

Настал великий час, ради которого жил и боролся Владимир Ильич. На протяжении четверти века готовил он вместе с партией великий штурм, которому суждено было свершиться в эту осеннюю ночь.

Он шёл по гулким ночным улицам, а рядом с ним, порой обгоняя его, торопливо шагали рабочие, солдаты, красногвардейцы, мчались грузовики, тахтеры мотоциклетки, грохотали колёса орудий.

Справа, на западе, осталась Петропавловская крепость. Далеко на востоке чернела невидимая отсюда бывшая «Государева» тюрьма в Шлиссельбурге.

Впереди были огни Смольного!

ИСТОРИЯ ОДНОГО КАРАНДАША

В среднем ящике моего письменного стола, в шкатулке, в которой я храню дорогие мне вещи, лежит карандаш, бережно завёрнутый в папиросную бумагу. Это очень старый карандаш, и от него осталось меньше половины. Когда-то он был выкрашен в коричневую краску, но она почти облезла.

Недавно его увидел один мой друг.

— Зачем ты бережёшь этот огрызок? — спросил он.

В ответ я сказала:

— Прочти, что на нём написано.

Он взял карандаш и с трудом прочёл стёршуюся от времени надпись:

— «Made in USA». «Сделано в Соединённых Штатах Америки».

— А теперь посмотри вот сюда, — сказала я.

Я повернула карандаш, и мой друг увидел на одной из его граней крохотную красную звёздочку.

— Если бы этот карандаш умел говорить, — сказала я, — он рассказал бы интересную историю...

— Какую? — спросил мой друг. — Если ты её знаешь, расскажи...

— Попробую... Только знай: это не сказка, а быль.

Это было давно, больше полувека тому назад. Далеко-далеко, в Скалистых горах Северной Америки, росло тонкое высокое дерево с игольчатой хвоей и буро-красными шишками, похожими на ягоды.

Однажды к нему подошли люди.

— Смотрите, — сказал один из них, — какое отличное карандашное дерево!

И они срубили это дерево и отправили на фабрику. Там сделали из него тысячу карандашей. И в том числе — этот!

Карандаши лежали на складе. Лежали долго, потому что тогда шла война и люди не покупали карандашей.

Но вот однажды двери склада растворились и вошёл человек, который сказал кладовщику:

— Мне нужно полтора миллиона карандашей! У вас найдётся?

— Нет, — сказал кладовщик. — Но двести тысяч у нас есть.

И он стал снимать с полок ящики с карандашами.

Если бы карандаши могли слышать, они услышали бы такой разговор.

— Зачем вам нужно столько карандашей? — спросил кладовщик.

— Дети Америки хотят послать их для школ Советской России, — ответил человек.

— А что это за Советская Россия? — спросил

кладовщик. — Хотя я сижу около карандашей, я неграмотный и не умею ни писать, ни читать...

И тогда человек, который пришёл за карандашами, рассказал кладовщику об Октябрьской революции и о первом в мире государстве рабочих и крестьян. И о том, как буржуи всего мира напали на Советскую Россию и зажали её в кольцо гражданской войны. И как героически сражается советский народ за свою свободу.

— Советская Россия прошла через страшные муки голода и холода, — рассказывал человек, который пришёл за карандашами. — Но дети в этой стране окружены заботой. Русские рабочие и крестьяне делают всё, чтобы накормить детей, одеть, сохранить их здоровье, дать им образование... И когда мы, рабочие Америки, узнали об этом, мы напечатали в наших газетах обращение к американским детям. Мы написали, что русские дети, которые жаждут учиться, не имеют ни тетрадей, ни даже простых карандашей. Тогда сотни американских детей стали приходить в редакцию, они приносили тетради, карандаши и деньги на их покупку. Вот почему я пришёл за карандашами.

— Спасибо тебе, что ты мне всё это рассказал, — произнёс кладовщик. — И в знак того, что моё сердце бьётся вместе с сердцами тех, кто помогает Советской России и её детям, я дам тебе ещё один ящик карандашей. Это заветный ящик, в нём тысяча особенно хороших карандашей.

Тут он снял с полки небольшой ящик, в котором был и этот карандаш.

Потом ящик везли на грузовике. Потом его выгрузили и принесли в большую комнату, заставленную столами. Его раскрыли, и один мальчик, черноглазый, кудрявый, закричал:

— Ребята, смотрите, какие чудесные карандаши!

— Покажи, покажи! — закричали дети.

— Глядите! — сказал черноглазый мальчик. — И знаете, что я предлагаю? Давайте на одном карандаше вырежем красную звёздочку и передадим этот карандаш т у д а...

Куда это т у д а? Он не сказал, а дети не спросили. Не спросили, потому что з н а л и.

И они вытащили из ящика этот карандаш, вырезали на его грани пятиконечную звёздочку, закрасили её красной краской, и началось долгое путешествие карандаша. Он совершил его за пазухой на чьей-то худенькой груди, в корешке книги и в белой булке, в которую его запрятали, залепив мякишем, чтобы никто его не заметил.

— Ой, как хорошо! Нам передали карандаш!
Это воскликнула девочка.

— Карандаш! Карандаш! Теперь мы напишем!

Теперь мы сможем всё написать! — закричали окружившие её дети.

— Митя! Достань бумагу и садись пиши! А мы все будем тебе диктовать!

И под диктовку детей Митя написал этим карандашом следующее письмо:

«Это письмо пишем мы от имени семисот восьмидесяти русских детей, насильственно привезённых в Соединённые Штаты Америки.

Летом 1918 года, когда в Москве и Петрограде было очень голодно, нас отправили в летние детские колонии на Урал. Но белогвардейцы подняли восстание против Советской власти, и мы оказались отрезанными от наших родителей. Нас погрузили в арестантские вагоны и под конвоем повезли во Владивосток, а потом в трюмах океанских пароходов — в Соединённые Штаты, где нас держат за каменной стеной, как в тюрьме.

С первых же дней мы бурно протестовали против такого обращения с нами и требовали, чтоб нас вернули в родную нашу Страну Советов. Но наши требования оставались без ответа. Тогда мы решили бежать, сплели верёвочную лестницу, стали перелезать через стену крепости, в которой нас держат. За нами была устроена вооружённая погоня. Петю Вихорева убили, а Беллу Гуревич и Стасика Ястржембского тяжело ранили.

Нас водворили обратно в тюрьму, а вчера нам сообщили, что нас отправляют во Францию. Там, в городе Бордо, нас должны поместить в колонию, в которой из нас хотят вырастить рабов капитала...»

Митя достал стёклышко, очинил карандаш поострее и продолжал писать под диктовку ребят:

«Мы заявляем, что не желаем ехать в страну, правители которой ведут войну против Советской России. Это они виноваты в том, что наши родители, сёстры, братья и десятки миллионов советских людей голодают, гибнут на фронтах, умирают от холода, голода и болезней. И мы требуем, чтоб нас не-

медленно вернули на родину. Не думайте, что, раз мы дети, мы ничего не знаем и не понимаем. Мы знаем и понимаем всё! Долой капиталистов! Да здравствует Советская Россия! Да здравствует товарищ Ленин! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Так благодаря письму, написанному этим карандашом, американский народ узнал о русских детях, которых насильственно увезли в Соединённые Штаты Америки и превратили в узников капитала. В американских газетах того времени этих детей называли детьми революции. Американцы восхищались самостоятельностью и твёрдостью русских детей, и правительство Соединённых Штатов вынуждено было вернуть их на родину.

А вместе с детьми из далёкой Америки через весь Атлантический океан, через Северное и Балтийское моря приплыл в Советскую Россию и знакомый нам карандаш. И моя двоюродная сестричка Ася, которая была в числе этих детей, подарила его мне.

В то время, когда пароход с детьми бороздил морские волны, на других пароходах везли в Советскую Россию мешки и ящики с карандашами, перьями, тетрадями. Два миллиона перьев! Полтора миллиона карандашей!! Больше миллиона тетрадей!!!

Все эти подарки собрали на свои последние трудовые гроши американские рабочие, их жёны и дети.

В письмах советским детям они писали:

«Мы уверены, что эти карандаши будут использованы детьми России, чтобы научиться стойко и преданно бороться за независимость и счастье рабочих России».

...Вот какую историю мог бы рассказать старый карандаш, который хранится в моём письменном столе.

ТРИНАДЦАТАЯ ХРАБРОСТЬ ДЖОНА РИДА

Был на свете такой замечательный человек — Джон Рид. Его жизнь была необыкновенной. Он родился в захолустном городе на Дальнем Западе США, но объездил весь мир. Он был выходцем из богатой аристократической семьи, но порвал со своим классом и сражался в рядах мексиканских крестьян, американских рабочих, был пламенным борцом за дело победы русской революции. Судьба, казалось, предназначала его к тому, чтобы он стал преуспевающим богачом, адвокатом, буржуазным политиком или же отрешённым от жизни поэтом. А он сделался мятежником, революционером, одним из основателей Коммунистической партии США, певцом народных восстаний. Он сидел в американ-

ских, французских, русских, финских тюрьмах, не раз смотрел в глаза смерти, чудом уходил от расстрела. В 1917 году, когда в России было свергнуто самодержавие, поехал в революционный Петроград, был свидетелем и участником Великой Октябрьской революции. Он встретил её с восторгом и написал книгу «Десять дней, которые потрясли мир», поныне остающуюся самым волнующим рассказом о великих днях Октября.

Такую жизнь мог прожить только человек с мужественным сердцем, сильной волей и крепким телом. Но Джон Рид перенёс в детстве тяжёлую болезнь и рос слабым, хрупким мальчиком. Хуже того: однажды, когда ребята из его класса подрались с ним, он с ужасом почувствовал, что он — трус!

И он решил переломить себя, победить свою трусость, стать настоящим человеком, таким, как его храбрый, бесстрашный дядя Рэй. Джон знал, что храбрость — качество, которого дядя Рэй прежде всего требует от человека. И не одна храбрость, а целая дюжина. Не раз Джон слышал от дяди Рэя перечисление этой «дюжины храбростей».

Первая храбрость — помнить, что достойная смерть лучше недостойной жизни.

Вторая храбрость — бесстрашно смотреть в глаза врагу, человек ли он или животное.

Третья храбрость — когда видишь, что целятся в друга, подставить под пулю собственное сердце.

Четвёртая храбрость — не основывать свою свободу на чужом рабстве.

Пятая храбрость — рвать с прошлым, если это нужно во имя будущего.

Шестая храбрость — при любых обстоятельствах стоять прямо. Помнить, что горизонтальная линия — линия змеи. Человек — вертикален.

Седьмая храбрость — не упорствовать в своих ошибках.

Восьмая храбрость — отстаивать истину, даже когда за неё надо бороться со всем миром.

Девятая храбрость — верить в человечество, даже если ты разочаровался в некоторых людях.

Десятая храбрость — ставить общее выше личного.

Одиннадцатая храбрость — беречь от мозолей ноги, но не бояться мозолей на руках.

Двенадцатая храбрость — любить блеск звёзд больше, чем блеск золота.

Итак, у дяди Рэя была целая дюжина храбростей, а он, Джон, — ничтожный трус!

Как же быть?

И тут Джону пришла блестящая мысль!

Если тело можно развить с помощью гимнастики, то таким же способом можно развить и храбрость. Надо только придумать гимнастику храбрости.

Сначала он решил упражнять себя в том, в чём был наиболее слаб.

По дороге в школу он мог идти через населённый ирландской голытьбой квартал, прозванный «Гуз Холлоу» («Гусиный ров»), но обычно обходил его. Мальчишки из этого квартала были отчаянными задирками и лютой ненавистью ненавидели барчуков в хорошеньких чистеньких костюмчиках, важно шествовавших в школу с дорогими портфельчиками.

Стоило такому барчуку появиться в «Гуз Холлоу», и откуда-то летел камень, пущенный ловкой рукой, из подворотни выскакивали с бешеным лаем здоровенные псы, которых кто-то явно науськал, а то раздавался свист и грозная ватага вырастала на пути.

И вот Джон перестал обходить этот квартал. Он шёл через него — но как! Ноги его подгибались, в глазах темнело, сердце дико стучало.

Его избили раз, другой, третий. Он храбро защищался. Но преодолеть гнусный липкий страх не мог.

И тут произошло самое отвратительное.

Как-то, когда он, обливаясь, как всегда, холодным потом, вошёл в пределы «Гуз Холлоу», к нему

подошёл один из главарей местных мальчишек и предложил сделку: пусть Джон даст им пятицентовую монету, тогда они перестанут его бить. И хотя Джон понимал всю унижительность сделки, он дал мальчишке проклятый пятицентовик.

Этот способ «гимнастики храбрости» явно не удался. Тогда Джон решил пойти по другому пути: развивать свою храбрость не там, где он наиболее слаб, а в том, в чём наиболее силен.

Он хорошо плавает. Так пусть же он станет самым смелым, самым бесстрашным, непобедимым пловцом среди мальчишек Портленда!

У кромки берега по утрам ещё белел ледок, а Джон Рид уже открыл свой «купальный сезон». Вскарabкавшись на борт стоявшей на причале баржи, он раздевался и бросался в реку. Ледяная вода обжигала огнём. Сперва он проводил в воде две минуты, потом три, пять, десять. Сперва проплывал сотню метров, потом стал заплывать на самую середину широкой реки.

Настала весна, а за нею лето, и оказалось, что Джон Рид плавает дальше всех, ныряет глубже всех и умеет в воде откалывать такие штуки, на которые не способен ни один мальчишка.

Но Джону этого было мало.

Он отправлялся на берег Тихого океана и по неделям жил в хижине старого лодочника. Провожал взглядом рыбаков, выходявших туманным рассветом в море на остроносых двойных челнах. Валялся в песке, обдаваемый брызгами вечно бушующих волн. Забирался на утёсы, вокруг которых, пенясь, бурлил прибой. Наблюдал приближение бури, когда ветры, несущиеся с отдалённых морей, со звучным свистом ударяются о грудь Каскадных гор, и все птицы возвращаются с моря, и только чайки летят навстречу шторму.

Вместе с рыбаками он отправлялся в море. Помогал вытягивать сети. Учился обращению со снастями.

Дни и ночи напролёт проводил он у моря и плавал, плавал в любую погоду: и в тихие дни, когда океан мирно дремлет и свет и тень широкими полосами сменяются на его поверхности. И в непогоду, когда покрытые пенящимися гребнями волны с шумом разбиваются о прибрежные скалы. И в шторм, когда бушующий океан катит тяжёлые, широкие волны. Джон выжидал, его гибкое юношеское тело напрягалось, и он кидался в кипящую воду, прыгая с волны на волну.

Вот тут-то он и нашёл свою храбрость. Он назвал её тринадцатой храбростью. Она гласит: «Всегда и во всём держать курс навстречу шторму».

Осенью в школу пришёл совсем другой мальчишка.

За лето Джон сильно вытянулся, развил муску-

лы рук и спины. Он ходил широким шагом, приподнимаясь на носки и словно пробуя силу своих крепких ног. В каждом его движении чувствовалось желание в любой момент сделать всё, что угодно: броситься в огонь, вскочить на спину необъезженной лошади, пройти над пропастью по обледеневшему канату. Любимым его занятием стало делать вещи, которые считаются невозможными: плотно завязав глаза, простоять неподвижно пять минут; меньше чем за четверть минуты завязать знаменитый ковбойский узел, который называют «алмазная петля»; в жгучий мороз в одних трусах кубарем прокатиться по снегу.

Так он доказал себе и другим свою храбрость не в драке, а в большем. Благодаря этому перестал бояться драки. Начал играть в футбол и бейсбол. И заставил других уважать свою любовь к книгам.

Вместе с приливом физических сил и веры в себя у Джона пробудился деятельный интерес к окружающей его жизни. Он часами бродил по улицам Портленда, заходил в ирландские и китайские кварталы, прислушивался к таинственному звону гонга. Толкался на пристани среди матросов всех цветов кожи. Вбирал в себя оттенки, запахи, звуки чужеземной речи, то похожей на бульканье ручья, то резкой, гортанной, словно крик ночной птицы.

Он по-прежнему любил книги, но горячая, динамичная, полная страсти жизнь влекла его не меньше. Всё теснее становилось ему в душном мирке его класса, будто чайке, залетевшей в чужие края.

ТОВАРИЩ «ЛУННЫЙ» И ЕГО ДОЧЬ

Лет шестьдесят тому назад, ещё до революции, на окраине Москвы существовала астрономическая обсерватория, которая вела наблюдение за небом, звёздами и планетами.

Обсерватория занимала здание, расположенное в большом тенистом саду. В этом же саду находились дома, в которых жили работники обсерватории — профессора, научные сотрудники, инженеры, а также мастера, следившие за исправностью телескопов и подзорных труб.

Одним из профессоров, работавших в обсерватории, был крупный учёный — астроном Павел Карлович Штернберг. Это был плечистый, чернобородый человек с умными, весёлыми, насмешливыми глаза-

ми. Уже в молодые годы, едва окончив университет, он стал известен в научных кругах своими работами по астрономии: «Прохождение Меркурия по диску Солнца», «Фотографические наблюдения двойной звезды у Девы».

Казалось, что он всеми своими думами и помыслами живёт в далёком мире звёзд. Увлёкшись астрономией ещё с юных лет, он с такой же страстью занимался ею и потом, когда сделался профессором, женился, стал отцом.

Но...

Но в царской полиции имелось «Дело», в котором были собраны доносы о революционной деятельности Штернберга...

А в записной книжке Надежды Константиновны Крупской в числе адресов, по которым можно посылать письма в Россию, был адрес: «Москва, Пресня, Астрономическая обсерватория. Павел Карлович Штернберг».

И сам Павел Карлович гораздо больше, чем звёздами, сиявшими в ночном небе, интересовался тем, что происходит на планете, на которой он жил: на нашей родной Земле. И готов был отдать жизнь за то, чтобы трудящиеся этой планеты свергли своих угнетателей и завоевали свободу, равенство, счастье.

Партию коммунистов в то далёкое время преследовало царское правительство. За принадлежность к партии арестовывали, годами держали в тюрьмах, отправляли на каторгу, вешали, расстреливали.

Поэтому партия вела всю свою работу тайно — как говорили тогда, «подпольно». И чтобы полиции было труднее напасть на след революционера, члены партии знали друг друга не по настоящему имени, а по партийной кличке.

Партийная кличка Павла Карловича Штернберга, в честь его занятий астрономией, была: товарищ «Лунный».

Товарищ «Лунный» вступил в партию коммуни-

стов-большевиков в 1905 году. Тотчас же проявил себя как на редкость бесстрашный человек. Никогда не терялся в минуту смертельной опасности. Ловко водил полицию за нос. Был очень находчив и умел придумывать самые смелые и успешные способы для борьбы против полиции и царского самодержавия.

Партия направила товарища «Лунного» на исключительно важную и опасную работу: в Военно-техническое бюро, занимавшееся военным обучением и вооружением рабочих и готовившее вооружённое восстание. А когда революция 1905 года потерпела поражение, Павел Карлович припрятал у себя в обсерватории оружие. Внешне он вёл жизнь обычного профессора, но в самой глубокой тайне занимался партийной работой, готовя силы к новому революционному взрыву.

Полиция подозревала, что он поддерживает связь с партийным подпольем и с Лениным. Поэтому Штернберг был окружён неусыпным наблюдением.

Его дочь Лена рассказывает о таком случае, который относится ко времени, когда рассказчице было около пяти лет.

Однажды вечером, когда все взрослые ушли из дому и дети остались на попечении няни, вдруг раздался звонок и в детскую влетел какой-то человек, который представился детям как их дядя и буквально очаровал ребят своим интересом к их куклам и игрушкам, а также и к тому, кто бывает у них в доме, куда и когда уходит папа.

«Нечего и говорить, что мы, захлёбываясь от восторга, старались всё ему выложить, — рассказывает Елена Павловна Штернберг. — Затем он заинтересовался семейными альбомами и выхватил оттуда карточку отца, после чего быстро исчез. Мы были удивлены тревогой взрослых, вызванной этим визитом. Лишь много лет спустя я узнала, что это был шпик, не побрезговавший заставить наивных глупышей в какой-то мере предать своего отца, а карточка понадобилась для охранки».

Охранке удалось проведать об оружии, припрятанном в обсерватории.

И она решила немедленно произвести в обсерватории обыск.

Полицейские заявили в обсерваторию как раз в тот момент, когда Павел Карлович вместе со своим сотрудником Преображенским чистил и смазывал это оружие.

«Проверяем мы оружие, — рассказывает в своих воспоминаниях Преображенский, — и вдруг слышим, кто-то входит в первую комнату, где стоят часы точного времени. Павел Карлович вышел и видит там... околоточного надзирателя с каким-то штатским, очевидно шпиком. Павел Карлович, как всегда, не растерялся и спокойным голосом возмущённого учёного сказал им: «Что вы делаете? Да знаете ли вы, что от одного повышения температуры от вашего тела изменится качание маятника, и время во всей России станет неверным!» Те, не ожидая такого эффекта от своего неожиданного прихода, начали извиняться и поспешили выйти и уже вне здания обсерватории начали расспрашивать Штернберга о возможности сокрытия в обсерватории нелегального склада оружия. «Что вы говорите? Да кто же посмеет нарушать исключительного значения и точности определения времени, принося сюда посторонние предметы?! Кто сюда, в святая святых науки, может проникнуть?!» Тем показались убедительными доводы профессора, они поспешили извиниться и ушли, «пока не остановилось время во всей России».

Так охранка ни до чего не доискалась!

Павел Карлович занимал при обсерватории большую квартиру, имел семью — жену, сыновей, дочку Лену.

Лена была совсем маленькой девочкой, и её отец запомнился ей, как рассказывает она, «не как революционер, учёный, педагог, а просто как папа».

Но в том, каким был этот «папа», раскрывается его характер и как учёного, и как педагога, и прежде всего как революционера.

Когда Лене было лет пять-шесть, Павел Карлович возложил на неё обязанность: утром, к завтраку, она должна была готовить кофе. Он сделал это, видимо желая, чтобы она с самого раннего возраста приучилась делать в доме что-нибудь полезное. Объяснил, сколько ложек кофе надо класть в кофейник, сколько наливать воды, как греть.

«Всё это я выполняла в точности и гордилась этим поручением, — рассказывает Елена Павловна. — И вдруг в какой-то несчастный день напал на меня каприз. Я дерзила, грубо заявила, что варить кофе не буду — «вари себе сам», и при этом со злорадством думала, что он будет меня упрашивать, так как без моих услуг останется без кофе. Вероятно, при его вспыльчивости ему больше всего хотелось бы как следует отшлёпать меня, но он ограничился тем, что схватил меня за плечо, как былинку перетащил из столовой в другую комнату и, поставив перед зеркалом, сказал: «Посмотри на себя сейчас же в зеркало». — «Не буду смотреть!» — «Сейчас же посмотри!»

Последний окрик был таким грозным, что я не посмела послушаться.

«Смотри, какая ты «красивая»: злая, красная, надутая. Никогда больше такая злая девочка не будет варить мне кофе, сам себе буду варить...»

Всего этого девочка никак не ожидала. Горю её не было границ, она рыдала на весь дом, умоляла простить её. Отец простил, и больше никогда подобных выходов девочка себе не позволяла.

Другой запомнившийся ей случай связан с вечной проблемой, которая встаёт перед детьми: в чём состоит честность по отношению к товарищам?

Дело было так. В кустах сирени, росших в саду,

ребята нашли браунинг с патронами, завёрнутые в пожелтевшую газету 1905 года. Память о первой русской революции была ещё свежа; ребята сразу догадались, что этот револьвер переброшен через забор каким-то революционером, который, убегая от преследовавших его полицейских, избавился от опасной улики.

Легко представить себе волнение и интерес, рождённые такой таинственной и романтической находкой. Мальчишки решили утаить её от взрослых и, забравшись в самый укромный уголок сада, взорвали несколько патронов. А девочка испугалась и потихоньку рассказала всё няне. Та доложила родителям. В обсерватории поднялся ужасный переполох. Старший дворник, неся на вытянутой руке револьвер и патроны, завёрнутые во все платки, которые были в наличии, «чтобы не взорвалось», направился в полицию. Матери рыдали на все голоса: ведь их сыночки могли остаться без глаз и без рук. Отцы были взбешены такой шалостью.

«Все кары, которые выпали на долю мальчишек, — рассказывает Елена Павловна, — были перенесены ими со свойственным настоящим мужчинам стоицизмом. Не наказания терзали их, терзала жажда мщения. Кто предатель? Няня, спасая меня, уверяла, что она подсмотрела за ними, но никто ей не верил. Общее решение было: найдём предателя — устроим «тёмную»... Для этой цели моими братьями уже была похищена старая мамина шаль. А я потеряла сон и аппетит. С одной стороны, боялась возмездия и презрения за предательство, сама страдала, что «нафискалила», а с другой стороны, слыша бесконечные предположения о возможных увечьях, чувствовала какую-то свою правоту. Противоречия, с которыми мой маленький мозг не мог справиться, измучили меня. И я решила обратиться к тому, кто являлся для меня наивысшим авторитетом.

Для этой цели я подкараулила отца на дворе, когда он направлялся в обсерваторию, так как боялась,

что дома нас кто-нибудь услышит, и, как умела, рассказала про все свои сомнения. Он отнёсся к моему рассказу очень серьёзно, задумался и не сразу дал ответ.

— Неладно получилось, — сказал он, подумав. — То, что ты рассказала няне, это правильно, ведь игра с патронами могла привести к большой беде, а вот неладно то, что сделала ты это потихоньку от ребят: надо было их предупредить, что, если они не прекратят это безобразие (любимое папино слово), ты расскажешь всё взрослым. Ну, уж если сделала ошибку, надо её исправить. Пойди к своим приятелям и расскажи всё честно.

— Как — рассказать?! — вскричала я в ужасе. — Ведь они меня наверное поколотят, они сделают мне «тёмную»!

— Что же делать? Наверно, отдуют. Но вот в этом-то и будет заключаться твоё гражданское мужество».

Гражданское мужество? Что это такое? Девочка впервые слышала это выражение.

В доступных ребёнку её лет словах Павел Карлович терпеливо растолковал ей значение понятия «гражданское мужество» и, видя, что она всё же колеблется, добавил уже строго: «Иди, иди сейчас же, расскажи им всё и не прячься за спину няни».

И она пошла и рассказала. Мальчишки были так ошеломлены её смелым признанием, что даже забыли её поколотить, а у неё словно гора свалилась с плеч.

Ещё один случай, относящийся ко времени, когда Лена училась уже в старших классах гимназии.

Была у них учительница рукоделия, забитое существо, не имевшее у детей никакого авторитета. Пользуясь её беззащитностью, дети с той неосознанной жестокостью, которая бывает им свойственна, всячески над ней издевались. Одной из главных зачинщиц в этом была Лена.

Однажды во время урока Лена заявила, что она больна пляской святого Витта и, выскочив на середину класса, стала под общий хохот кривляться, изображая эту «пляску». В этот момент в класс вошла начальница гимназии и потребовала от девочки, чтобы она извинилась перед учительницей. Та отказалась: «Стану я просить извинения у какой-то Лизки...» На учительском совете вопрос был поставлен ультимативно: либо девочка в недельный срок извинится перед учительницей, либо её исключат из гимназии.

— Ну, и что же ты решила делать? — спросил Павел Карлович, когда дочь рассказала ему обо всём.

— Конечно, не извинюсь! Очень мне нужно! Пусть исключают.

К её удивлению, отец не сказал ни слова. Но каждый день за обедом он задавал всё тот же короткий вопрос:

— Ты извинилась?

И она всё так же вызывающе-дерзко отвечала:

— Нет!

Отец на это ничего не говорил. Быть может, не знал, как к ней подойти? Или, быть может, надеялся, что она сама одумается и лучшие стороны её натуры возьмут верх?

А она продолжала фанфаронить, хотя на душе скребли кошки: и в другую гимназию переходить не хотелось, а главное — мучило поведение отца, его кажущееся безразличие.

Наступил последний день данного ей срока. За обедом отец, как всегда, спросил: «Ты извинилась?» И услышал то же дерзкое: «Нет!»

И тут он высказал всё. При этом не кричал, говорил спокойно, даже холодно, но весь тон его был полон пренебрежения и даже презрения к дочери.

— Ты ходишь задрав голову и чувствуешь себя героиней, — говорил он. — Дешёвое же твоё геройство! Ты прекрасно знаешь, что родители не дадут тебе

остаться неучем, переведут в другую гимназию. Ты по-прежнему будешь сыта и одета. А понимаешь ли ты, что если ты не извинишься, то твоей учительнице, которую ты посмела так унижить, при существующих порядках придётся уйти из гимназии? Ты, сытая, избалованная, из-за глупого бахвальства лишаешь человека куска хлеба. Вот ты как-то позволила себе передразнить её, что она неправильно выражается. А в чём твоя заслуга, что ты правильно говоришь? Только в том, что ты окружена образованными людьми, которые всегда поправляют тебя. Что ты сделала в жизни? Принесла ли хоть кому-нибудь пользу, заработала ли хоть копейку денег? И ты смеешь издеваться над человеком, который всю жизнь трудится лишь потому, что она дочь рабочего, а ты — дочь профессора. Так ведь это мой труд, мой ум, а ты-то

здесь при чём? Ты не хочешь извиниться перед обиженным тобою человеком потому, что мнение таких же глупых и бессердечных девчонок тебе дорого. Ты не смеешь вести себя так безобразно с другими учителями, а в отношении её ты позволила себе выходку лишь потому, что она слабая и беззащитная. Какая низость! Мне стыдно, что у меня такая дочь...

«Он резко отодвинул от себя тарелку и ушёл, не закончив обед, — рассказывает Елена Павловна. — У меня точно пелена упала с глаз. Всё предстало мне в ином свете: моё гордое презрение к исключению из гимназии — глупостью, мои издевательства над беззащитным человеком — жестокостью. Меня охватил жгучий стыд за моё недостойное поведение и щемящее чувство жалости к доброму, беззащитному человеку. Я не спала почти всю ночь, желая лишь одного: чтобы скорей наступил тот момент, когда я смогу принести учительнице свои извинения. Много я передумала за эти бессонные часы, многое поняла, во многом изменила взгляд на свои взаимоотношения с окружающими».

Таким же строгим и принципиальным оставался Павел Карлович Штернберг и после того, как произошла революция и он занял крупные государственные посты. По-прежнему требовал он от детей достойного отношения к людям и к государству. Хотя он имел в своём полном распоряжении автомобиль, он никогда не пользовался им в личных целях, а только для служебных поездок. Как-то в 1919 году он пошёл с дочерью в Большой театр. Спектакль окончился поздно; возвращаться домой надо было пешком далеко, на Пресню, где они жили. Дочь прекнула отца, что он не вызвал машину. На это он резко ответил, что не имеет права задерживать шофёра для своего развлечения и тратить на себя бензин.

Надо вспомнить воспитание, которое давалось тогда детям в большинстве семей: муштра, наказания, подавление личности ребёнка. Но педагогиче-

ские приёмы Павла Карловича Штернберга были иными. Они выросли из всего его мировоззрения, требовавшего прежде всего воспитывать в ребёнке человека. И поэтому хотя вопросы воспитания детей никогда не обсуждались в нашей партии, когда она была в подполье, но в подходе к детям — своим ли, чужим ли — работники партии действовали с удивительным идейным единством.

Чего хотели они от детей? Какими желали они их видеть?

На это можно ответить словами Дзержинского, который говорил, что ребёнок «должен в душе обладать святыней, более широкой и более сильной, чем святое чувство к матери или к любимым, дорогим людям. Он должен полюбить идею — то, что объединит его с массами... Он должен понять, что у всех окружающих, к которым он привязан, которых он любит, есть возлюбленная святыня... Это святое чувство сильнее всех других чувств, сильнее своим моральным наказом: «Так тебе следует жить, и таким ты должен быть...»

Наш рассказ не был бы полным, если бы мы хотя бы в нескольких словах не рассказали о дальнейшей судьбе Павла Карловича.

В 1917 году, будучи уже убелён сединой, он сохранял горячее юношеское сердце и всегда стремился на самый боевой, самый опасный участок борьбы.

Он принимал участие в организации отрядов Красной гвардии. В дни кровопролитных октябрьских боёв в Москве был начальником штаба Замоскворецкого района. После Октябрьской революции недолгое время поработал в области народного просвещения, а осенью 1918 года по его настоятельной просьбе партия послала его на Восточный фронт членом Революционного Военного совета Второй армии. Одетый в солдатскую шинель и солдатские сапоги, этот «красный генерал» принимал участие в обсуждении оперативных планов армии и в самых тяжёлых, кровавых боях.

На Вторую армию был возложен разгром колчаковцев по европейскую сторону Уральских гор и взятие города Ижевска с его крупнейшим военным заводом. Но выяснилось, что штаб армии не имеет необходимых карт.

И тут на помощь пришли астрономические познания Павла Карловича Штернберга.

В крестьянских санях-розвальнях он ехал впереди наступающих воинских частей и определял направление по звёздам, ярко горевшим в зимнем небе. Благодаря этому наши войска были вовремя и точно сосредоточены на исходных рубежах атаки. Ижевск был взят, белые отброшены далеко на восток.

Но Павел Карлович простудился и заболел тяжёлой формой воспаления лёгких. Его увезли в Москву. Однако было уже поздно, спасти его не удалось.

В январе 1920 года он скончался, доказав всей своей жизнью и своей героической смертью, что он был настоящим, благородным, прекрасным человеком, верным высоким идеям коммунизма. Такими хотел он видеть своих собственных детей и всех детей на Земле.

СОДЕРЖАНИЕ

Алёша Калёнов	3
Ваня Вьюнок	17
История одного карандаша	24
Тринадцатая храбрость Джона Рида	30
Товарищ «Лунный» и его дочь	36

Для младшего
школьного возраста

Елизавета Яковлевна Драбкина

ИСТОРИЯ ОДНОГО КАРАНДАША

Рассказы

Ответственный редактор *Л. И. Доукша*. Художественный редактор *Н. Э. Левинская*. Технический редактор *О. В. Кудряцева*. Корректор *К. И. Куревская*. Сдано в набор 28/VIII.1973 г. Подписано к печати 24/I.1974 г. Формат 60×90 1/16. Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,28. Тираж 750 000 экз. Заказ № 598. Цена 9 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр. М. Черкасский пер. 1.

Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Драбкина Е. Я.

Д72 История одного карандаша. Рассказы. Рис. В. Юдина. М., «Дет. лит.», 1974.

48 с. с ил. (Книга за книгой).

«История одного карандаша», «Алёша Калёнов» и другие рассказы — о революции, о первых годах Советской власти. Герои рассказов — дети, судьба которых связана с революционными событиями.

Цена 9 коп.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

В серии «Книга за книгой» в 1974 г.
выходят следующие книги:

**Богданов Н.
БАЗА ВЕРХОЛАЗА.**

Рассказы о труде.

**Жариков Л.
БОГ И ЛЕНЬКА.**

Отрывок из книги «Повесть о суровом друге».

**Миксон И.
ОТЗОВИСЫ**

Рассказы о Великой Отечественной войне, о героизме советских людей.

Эти книги по мере их выхода в свет можно приобрести
в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.